

К. П. Обозный*

Народное образование, Псковская миссия и церковная школа в условиях немецкой оккупации северо-запада России

Особенности школьной системы на оккупированной территории в 1941–1944 гг.

Спустя 16 дней после начала Великой Отечественной войны немецкие части группы армии «Север» заняли Псков. Для города и его жителей началась жизнь в оккупации: из-за стремительного наступления германской армии очень скоро город оказался в глубоком тылу. Сразу стало ясно, что оставшееся население Пскова (45 из 60 тыс. человек эвакуировались в первые дни войны) свои силы и труды должно было направить на поддержание военной машины Вермахта. Ремонт дорог, восстановление мостов и линий электропередач и даже земельная реформа весной 1942 г. (упразднение колхозной системы и наделение крестьянских семей земельными участками), — все это делалось прежде всего в интересах немецкой армии. Известно, что в некоторые периоды войны в Пскове расквартировывалось до 70 тыс. оккупантов, т. е. в несколько раз больше числа оставшихся мирных жителей¹. Тот, кто саботировал приказы оккупационных властей, подлежал по законам военного времени суровому наказанию.

Вместе с тем были образованы органы местного самоуправления (городские управы, районные и волостные управления со старшинами и старостами во главе), которые состояли под строгим надзором военного коменданта и других властных структур оккупационного режима. В ведении гражданских органов самоуправления находилась и сфера народного образования. В конце 1941 — начале 1942 г., когда наладилась относительно спокойная для военного времени жизнь, в Пскове уже действовало несколько начальных школ. Летом 1942 г. отделами народного образования, возникшими при органах местного самоуправления, велась подготовка к новому учебному году. Тогда

* © Обозный К. П., 2006

Константин Петрович Обозный, кандидат исторических наук, бакалавр богословия (Псков).

же вышли распоряжения оккупационных властей об обязательном начальном образовании для детей в возрасте от 8 до 12 лет². Обучались дети бесплатно. До строго установленного срока родители или воспитатели детей были обязаны записать их в ближайшую школу и в течение учебного года обеспечить аккуратное посещение ими школьных занятий. Уклоняющиеся от выполнения этого распоряжения подлежали строгому наказанию — денежному штрафу до 500 руб.³ Если же дети не посещали занятия, то родители за каждое нарушение закона об обязательном всеобщем начальном образовании должны были заплатить штраф в размере 100 руб.⁴ Подобный указ появился в псковских газетах и летом 1943 г., он относился практически ко всем городам Псковщины — Дно, Гдову, Порхову, Острову.

В начале 1943 г. в Пскове действовало 5 начальных школ, в которых обучались 1950 детей, функционировали церковные школы, где учились 150 детей в возрасте 13–15 лет. Кроме того, имелись музыкальная школа, 3 детских сада (в них насчитывалось более 100 детей)⁵. Отдел немецкой пропаганды предполагал открыть в Пскове гимназию, даже начался набор преподавателей из числа местных педагогов и многочисленных беженцев из Ленинграда и Ленинградской обл., но разрешение от начальства не было получено⁶.

Другое направление касалось обеспечения школ учительскими кадрами, разработки методологии преподавания некоторых новых предметов и прежних учебных дисциплин, но с дополнениями или изменениями. В связи с этим ждала своего решения проблема учебников, которых катастрофически не хватало (большой редкостью были и другие обычные канцелярские принадлежности школьников).

Решение перечисленных задач, контроль над исполнением приказа о школьном образовании власти возлагали в основном на представителей местного самоуправления: начальников районных отделов народного образования, волостных старшин и др. Помощь народному образованию на оккупированных территориях со стороны немцев не поощрялась из Берлина, при этом известны факты поддержки школ со стороны военных комендатур, хозяйственных отделов и других представительств оккупационного режима в проведении ремонтных работ. Подготовка и издание новых учебников для начальной школы, а также подготовка учительских кадров находились под строгим контролем немецкого отдела пропаганды. Был сдан в печать букварь, составленный рижскими преподавателями А. Я. Флауме и М. И. Добротворским. Переиздавались хрестоматии по русскому языку для 3–5-х классов, автором которых являлся Е. М. Тихоницкий (долгое время он был директором Ломоносовской гимназии в Риге, накануне Великой Отечественной войны репрессирован советской властью), а также учебники по другим предметам⁷.

Летом 1942 г. прошли совещания и конференции учителей. 10 августа 1942 г. в Пскове при районном и земском управлениях было созвано совещание волостных работников и преподавателей всех открытых и предполагаемых к открытию школ. На собрании учителя получили от администрации указания о ведении школьных занятий на основе нового плана обучения, решались практические вопросы по подготовке школьной сети к предстоящему учебному году⁸.

1 августа 1942 г. в Дно состоялась конференция для учителей Дновского района. Она открылась речью военного коменданта, в которой он «призывал учителей к сотрудничеству в деле возрождения русской школы». Вслед за этим был избран заведующий только что созданным отделом народного образования Дновского района А. И. Иванов. Ответственными за подготовку начала школьных занятий были назначены начальник района Н. П. Лутьяновский, заведующий РОНО Иванов и благочинный Порховско-Дновского округа священник Василий Рушанов. О. Василию и Иванову была поручена поездка в Ригу за новыми учебниками. Собрание постановило в скором времени организовать курсы переподготовки учителей, так как «в новой школе не только другие должны быть предметы, но и другие методы преподавания».

Новая программа должна была включать в себя следующие предметы: география, история, русский и немецкий языки, математика, Закон Божий. Участников совещания призвали приложить усилия к тому, чтобы предметы стали «совершенно лишены марксистской окраски и представлены в своем натуральном виде, что для многих молодых учителей явится совершенно новым и им неизвестным видом науки». Главную задачу перед педагогами в новых условиях кратко обозначил в своем выступлении благочинный, призывая «с особой серьезностью приступить к великому делу перевоспитания детей и внедрению в их сознание, что они есть дети великого русского народа, твердого в вере Христовой и давшего из своей среды много великих людей, прославившихся на весь мир»⁹.

Аналогичная конференция состоялась в селе Пожеревицы в феврале 1943 г. На нее собрались преподаватели Пожеревицкого района. Здесь также активное участие принимали местный священник Евгений Троицкий (сделавший доклад на тему «Наука и религия в их взаимоотношении» и давший краткий обзор постановки преподавания Закона Божия в школах) и представитель германского командования Римар. Последний выступал на конференции с сообщением о постановке обучения и воспитания детей в Германии, поделился мыслями о методах преподавания Закона Божия в русских школах. Наконец, учителя просто общались и делились опытом работы в школе. По мнению редакции газеты «За Родину», «цель конференции — собрать учителей, дать им единение духа и коллектива, внести в их тяжелую, по военному времени, работу живую, здоровую струю научного и практического опыта — была достигнута»¹⁰. Проводились также курсы для преподавателей, на которых читались лекции по истории, философии (знакомили с идеалистической философией и ее представителями Платоном, Лейбницем, Кантом), методике преподавания Закона Божия (для проведения этих занятий приглашали православных священников).

Конференции, совещания, курсы по подготовке преподавателей прошли практически во всех районных и волостных центрах оккупированных регионов северо-запада России. Организаторы этих мероприятий в большинстве своем желали восстановления и преобразования системы народного образования, освобождения от наслоений марксистской идеологии, возвращения ей русского национального характера и православной направленности. Одной из важ-

нейших особенностей нового преподавания было возвращение в школы религиозного воспитания, чему немецкие власти в основном не препятствовали.

Можно думать, что в большинстве случаев начальная школа не справлялась с поставленными задачами и на школьное обучение определяющее влияние оказывала немецкая официальная пропаганда, стремившаяся к перевоспитанию русского народа в «свободных народных» школах. Эмигрант первой волны и активный деятель Народно-трудового союза¹¹ (далее – НТС) П. В. Жадан, в годы немецкой оккупации служивший в Псковской городской управе, среди прочего курировал вопрос народного образования. Посещая городские школы с инспекцией, Жадан увидел такую картину: «На стене при входе бросался в глаза большой портрет Гитлера. После приветствия учительница сделала знак, и ученики запели какую-то немецкую песню. Рассматривая классную комнату, и здесь я увидел на стене портрет Гитлера. Я спросил учительницу, преподает ли она немецкий язык. Она ответила, что преподает русский язык и историю. Я попросил разрешения задать ученикам вопрос по истории и, получив согласие, спросил: “Когда было крещение Руси?” Никто из учеников не ответил. Я спросил: “Кто был Петр Великий?” Опять молчание. Я обратился к заведующему школами: “Хорошо, что в русской школе дети поют немецкие песни, но, видно, русскую историю они знают плохо”». На прощание Жадан посоветовал руководству школы в классах развесить портреты русских писателей и ученых¹².

Деятельность Псковской православной миссии в «народных школах»

Благодаря своему дипломатическому таланту экзарху Прибалтики митрополиту Виленскому и Литовскому Сергию (Воскресенскому)¹³ удалось добиться у немецких властей разрешения на создание «Православной миссии в освобожденных областях России» с центром в Пскове. Главной задачей работы было возрождение на Псковщине церковной жизни, практически искорененной за годы советской власти. Экзарх понимал, что для организации работы нужно подобрать не просто молодых энергичных священников, но тех, кто имел миссионерский опыт и педагогический дар и мог «не только налаживать церковную жизнь, но и пробуждать народ к новой жизни от долготлетней спячки, объясняя и указывая ему преимущества и достоинства новой открывающейся для него жизни»¹⁴.

Накануне отъезда миссионеров из Риги в Псков (15 августа 1941 г.), когда отбор кандидатов завершился, было проведено инструктивное совещание. В нем помимо членов Псковской миссии приняли участие члены Синода экзархата, секретарь митрополита И. Д. Гримм и протоиерей К. Зайц (в то время возглавлявший Внутреннюю православную миссию в Латвии). На этом совещании митрополит Сергий в кратких чертах изложил цели и задачи работников управления Псковской миссии и священников-миссионеров. Основными задачами были обозначены «восстановление разрушенных большевиками храмов, открытие бездействующих церквей и организация в них

богослужений. Поднятие среди русского населения, освобожденного немецкими войсками от неволи, религиозных чувств и организация крещения русских людей»¹⁵. Наряду с этим было дано распоряжение «в контакте с органами местной власти в школах организовать обучение учеников Закону Божию с подбором для этой цели кадров учителей»¹⁶.

17 августа 1941 г. после воскресной литургии в рижском кафедральном соборе владыка в проповеди торжественно объявил о радостном и ответственном деле церковного возрождения на истрадавшейся Русской земле, которое Господь возложил на православную Церковь в Прибалтике. Ранним утром следующего дня на одной из улочек старой Риги, у стен управления экзархата собралось необычно много для такого часа народа. Родные и близкие миссионеров пришли проводить их «на почетное дело восстановления родной Церкви»¹⁷. Последние слова напутствия произнес митрополит Сергей, и после краткого прощания темно-серый автобус увез первую миссионерскую группу в Россию.

Спустя 40 дней после начала фашистской оккупации Пскова, в канун праздника Преображения Господня, на псковскую землю из Риги прибыли первые 14 миссионеров, откомандированных владыкой Сергием для начала трудного, ответственного и тем не менее радостного апостольского служения. Пятеро священников из этой группы были выпускниками парижского Свято-Сергиевского Богословского института: Феодор Ягодкин, Николай Трубецкой, Владимир Толстоухов, Алексей Ионов, Василий Рушанов. Двое других — священник Георгий Бенигсен и псаломщик Виталий Караваев — являлись активными членами Русского студенческого православного единения (филиал Русского студенческого христианского движения¹⁸ (далее — РСХД) в Латвии), воспитывались, а затем руководили дружинами «витязей»¹⁹: о. Георгий — в Двинске, Караваев — в Риге. Еще один молодой священник — о. Иоанн Легкий — до рукоположения получил образование народного учителя и трудился в сельской школе.

Первым начальником миссии стал протоиерей Сергей Ефимов, вскоре его на этом посту сменил протоиерей Николай Колиберский, известный священник и талантливый педагог. Он начинал свое священническое служение и работу в школе в 1895 г. именно в Псковской епархии. Помимо привычных для священника уроков Закона Божия отец Николай преподавал и другие предметы, создавал церковноприходские и воскресные школы поначалу в Псковской губ., после 1917 г. — в Эстонии и Латвии²⁰. Он руководил миссией до 1 декабря 1941 г.

С первых дней закипела работа по восстановлению храмов, приведению их в пригодный для богослужения вид. В первую очередь взялись за кафедральный Свято-Троицкий собор, где перед войной размещался музей атеизма. «Благоговейно (все) очищалось, приводилось в порядок и водружалось на должное место»²¹. После восстановления Троицкого собора принялись и за другие храмы Пскова, близлежащих районов и более отдаленных мест.

Весть о приезде группы священников быстро облетела Псков и окрестности. Потянулись делегации из разных регионов, которые должна была

окормлять православная миссия. Священников просили приехать в другие города, села или деревни, освятить уже приведенный в порядок храм, послужить, отпеть умерших, крестить детей и взрослых. Постепенно практически все миссионеры разъехались в глубинку, чтобы исполнить наказ митрополита Сергия — возродить церковную жизнь и охватить своей деятельностью как можно больше территорий, объезжая для этого весь край и окормляя несколько храмов одновременно.

Деятельность миссионеров вызвала религиозный подъем на оккупированных территориях. Несмотря на тяжелое время гонений, физического истребления христиан, многие сохранили веру, пронесли ее через кровавые годы красного террора. Священник Георгий Бенигсен так описывал это время: «Почти в мгновение ока эти храмы были очищены, восстановлены и устроены для богослужений. Из рук этих полунищих людей к нам потекли пожертвования, предложения помощи, материалы для ремонта, богослужебные предметы, утварь, облачения, книги и ноты, хранившиеся долгие годы закопанными в земле, замурованными в стенах. Создались превосходные хоры певчих, уцелевшие колокола были водружены на колокольни, выбитые стекла вновь вставлены, вместо сорванных безбожными руками образов написаны новые»²². Однако уже выросло поколение, чье воспитание и духовное формирование проходило в условиях антихристианской пропаганды. Как вспоминал отец Георгий, «молодежь и дети поначалу смотрели на нас изумленными глазами. Большинство из них впервые в жизни видели фигуру священника, встречая ее до тех пор только на карикатурах и шаржах антирелигиозных изданий»²³.

Неудивительно, что именно миссионерской работе с детьми и молодежью в дальнейшем уделялось немало сил и внимания. Правда, летом и осенью 1941 г. никаких серьезных мер по восстановлению религиозного воспитания предпринято не было. В следственных показаниях протоиерея Кирилла Зайца есть рассказ о начале его служения в Псковской миссии, в том числе о религиозно-педагогической работе: «Вопрос о Законе Божием с начала деятельности миссии... интересовал и митрополита, и всех нас. Но в начале миссионерской работы не было возможности осуществить введение в программу преподавания Закона Божия. Не было достаточного количества законоучителей, не было денег на вознаграждение, не было никаких пособий»²⁴.

В ноябре 1941 г. указом митрополита Сергия в Пскове было учреждено управление «Православной миссии в освобожденных областях России», вскоре ставшее центральным церковно-административным учреждением оккупированных территорий северо-запада России²⁵. После создания управления деятельность миссии стала более организованной, в том числе в отношении школьного образования. В конце ноября протоиерей Кирилл Зайц был освобожден от службы в рижском кафедральном соборе и руководства миссионерским столом Латвийской Православной Церкви и назначен на должность начальника управления Псковской православной миссии.

В декабре 1941 г. о. Кирилл прибыл в Псков и сразу приступил к работе. Свои первые визиты он нанес бургомистру города В. М. Черепенькину и заведующему отделом народного образования Боголюбову. С первым разговор

шел о различного рода хозяйственных вопросах, со вторым обсуждалась проблема подбора законоучителей²⁶. Через некоторое время протоиерей Кирилл в сопровождении переводчика и некоторых членов управления миссии посетил военного коменданта. Одной из основных тем беседы являлась проблема преподавания Закона Божия в школах Пскова и во всех остальных районах. Комендант выслушал просьбу и ответил, что «в Германии Закон Божий — необязательный предмет и не в его силах издать указ о преподавании этого предмета». На это начальник миссии заметил: «Возможно, в Германии этот предмет необязательный, а в Латвии, а раньше и в России и во многих других странах Закон Божий является обязательным предметом. Этот предмет необходим с точки зрения морального воспитания детей». Комендант с этим не спорил и пообещал передать решение этого вопроса в вышестоящие инстанции. До получения же ответа комендант разрешил преподавание Закона Божия на подведомственной ему территории Пскова и окрестностей²⁷.

Летом—осенью 1942 г. ситуация с религиозным воспитанием в школах начала меняться в положительную сторону. Не имея документальных свидетельств, можно предположить, что это стало возможно благодаря переговорам экзарха Сергия с немецкими властями. Известно, что в марте 1942 г. ряд таких встреч владыка Сергей провел в Ковно и Вильно²⁸. В результате осенью того же года в Вильно открылись богословские курсы для подготовки священников-миссионеров. Тогда же началось регулярное преподавание Закона Божия в школах.

Было бы неверно говорить о тотальном «засилье» религиозного преподавания во всех школах, как это изображали советские историки, описывая в своих трудах деятельность миссии²⁹. На самом деле «русские школы в Пскове были и городские, и церковные, и программы у них соответственно были различные; никто к преподаванию Закона Божия не принуждал»³⁰. Большую роль во введении в программу этого предмета играли личные качества благочинного, священника и, конечно же, самих законоучителей, а также расположенность руководства школы по отношению к православной Церкви, потому что распоряжение властей об обязательности уроков Закона Божия не было издано, хотя и препятствий в этом направлении немцы не чинили. В заявлении от 7 октября 1942 г. митрополит Сергей (Воскресенский) говорил: «Никто не мешает нам проповедовать истины веры, правила благочестия, начала христианской нравственности. Нам не препятствуют ни в обучении школьников Закону Божию, ни в устройстве религиозных чтений для взрослых, ни в учреждении духовного училища, ни в издании церковной газеты, ни в печати нужных Церкви и верующим книг»³¹.

В сентябре 1942 г. Константин Кравченко, один из активных участников РСХД г. Двинска, участник дружины «витязей» и близкий друг священника Георгия Бенигсена, был назначен представителем управления миссии при школьном отделе Псковской городской управы. С этого времени началось деятельное участие членов миссии в учительских конференциях и совещаниях отделов народного образования³². Другим важным шагом в воцерковлении народного образования стал циркуляр, выпущенный управлением мис-

сии осенью 1942 г. В нем говорилось об участии членов миссии в учительских конференциях, о выступлении с докладами, критикующими материализм, атеизм, коммунизм, о «подыскании преподавателей Закона Божия среди учителей»³³. Распоряжение было разослано по благочиниям для ознакомления с ним всего подведомственного Псковской миссии духовенства. Рождению указанного циркуляра предшествовало послание-предписание митрополита Сергия, в котором назывались основные принципы и направления работы миссии. Владыка уделил особое внимание образованию и религиозному воспитанию, предписав «обучать сверх всего детей своих прихожан в приходской школе Закону Божию, правильному разумению церковных обрядов, чтению, письму и другим предметам, полезным в общежитии»³⁴.

Необходимо отметить, что священники-миссионеры, разъехавшиеся из Пскова по районам, еще до издания распоряжений о религиозном воспитании в школе делали первые шаги в деле воцерковления школы на местах. Священник Владимир Толстоухов с псаломщиком Георгием Радецким в конце августа 1941 г. из Пскова отправились в село Велье (район Новоржева и Опочки). Молодой священник также окормлял несколько близлежащих приходов. О своей деятельности отец Владимир отправил подробный отчет в Ригу. Помимо описания ежедневных служб, освящений храмов, совершения таинств крещения, исповеди, брака миссионер писал и об открытии школ: 8 ноября 1941 г. было получено «разрешение от немецкой комендатуры города Новоржева на открытие школ в Пушкинском уезде»³⁵. Приступили к организации 17 школ»³⁶. В селе Велье о. Владимир и Радецкий (еще молодой человек, он окончил в Риге русскую гимназию только в июле 1942 г., по окончании ее вернулся в Псков для работы в управлении миссии в качестве переводчика) преподавали в местной школе: священник — Закон Божий и историю, а Радецкий — немецкий язык и математику³⁷.

Другой миссионер — священник Георгий Тайлов, служивший в селе Печани, — вспоминал об участии священников в собрании учителей, состоявшемся в Пушкинских Горах. Священнослужители горячо выступили в защиту преподавания Закона Божия в школах, а также «поделились своими мыслями насчет методики преподавания». Весной 1942 г. в Печанах открылась школа, где о. Георгий Тайлов проводил уроки Закона Божия. Хотя учеников было немного, но отношение их к новому предмету было серьезное, и занимались они усердно³⁸.

Священник Алексей Ионов был назначен благочинным Островского района. О. Алексей был ярким проповедником, талантливым миссионером, много потрудившимся над воцерковлением своей паствы. В мемуарах он оставил свидетельство о начале возрождения церковной школы и своем участии в этом начинании. К осени 1942 г. в Острове и его районе открылось около 40 школ. Перед началом учебного года собралась учительская конференция, куда о. Алексей приглашения не получил. Это миссионера не смутило, и он явился на конференцию «непрошеным гостем». Основной задачей конференции являлась выработка новой школьной программы. Однако в ней не было ни слова о Законе Божиим. Это и понятно, потому что на совещание

собрались около 100 «подсоветских» педагогов, преподавателей начальных школ, совсем не имевших представления о религиозном образовании в школе.

О. Алексей взял слово в прениях о новой программе. «От Церкви, — утверждал священник, — отошел лишь тонкий слой так называемой советской интеллигенции. Обобщать поэтому отношение всего русского народа к Церкви как отрицательное — явная передержка, неправда, преступление». В результате конференция приняла решение о необходимости преподавания Закона Божия в школах Островского района. Этого оказалось недостаточно, так как возник вопрос оплаты труда законоучителей. Представитель немецкой военной комендатуры, присутствовавший на конференции, заявил, что в «Gross Deutschland [Великой Германии. — К. О.] Церковь отделена от государства». Священник напомнил, что оккупированные области России — это не Германия, а «все главные налоги — поборы натурой и живой силой — происходят за счет местных крестьян, дети которых посещают народные школы, и... крестьяне поэтому имеют право рассчитывать на религиозное воспитание своих детей. Взыскивать с них еще специальный налог “на религию” — недопустимо». Предложение благочинного было принято, и законоучителей ввели в список оплачиваемого школьного персонала³⁹.

Кроме священников Василия Рушанова, Евгения Троицкого, Георгия Тайлова, Владимира Толстоухова, Алексея Ионова с докладами на подобных учительских конференциях выступали начальник управления миссии протоиерей Кирилл Зайц — осенью 1942 г. в Палкино и Порхове, помощник начальника управления миссии священник Иоанн Легкий — в Гдове и Пскове, Константин Кравченко (член управления миссии) — в Маслогостицах Середкинского района, в Пскове и Острове (июль 1943 г.), ключарь псковского кафедрального собора и секретарь управления миссии священник Николай Жунда — в Острове в июле 1943 г. Главным содержанием выступлений была «необходимость веры в Бога, необходимость религиозного православного воспитания с детского возраста»⁴⁰.

Благочинный Дновского округа священник Василий Рушанов был особенно активен в школьной работе и фактически исполнял обязанности заведующего отделом народного образования по Дновскому району. После издания циркуляра о религиозном воспитании и образовании о. Василий 19–20 ноября 1942 г. провел съезд духовенства Порхово-Дновского округа «для рассмотрения всевозможных вопросов, связанных с преподаванием Закона Божия»⁴¹. Из Пскова, от управления миссии, на съезде присутствовал заместитель начальника миссии протоиерей Николай Шенрок. В работе съезда приняли участие 25 священнослужителей и примерно столько же мирян от приходов, а также представители городских и районных учреждений. Председательствовал о. Василий Рушанов, а открыл съезд доклад о. Николая Шенрока, посвященный деятельности миссии с момента ее образования. Другие доклады касались в основном текущей церковной жизни и преподавания Закона Божия в школах. Среди выступавших было 2 профессора, чьи сообщения привлекли особое внимание присутствовавших (данный пример участия преподавателей высшей школы, бежавших на Псковщину из прифронтовых районов, в деле возрожде-

ния церковного образования не был единичным). Дновская газета «За Родину» писала о съезде: «Через все доклады, все выступления красной нитью прошла мысль о том, что в основе всего возрождения многострадальной России... должно быть православие. Отсюда громадная ответственность, которую несет наше духовенство перед Родиной, перед всем человечеством, отсюда и решающая роль школы. Съезд призвал к сплоченной работе всех русских людей для великого дела, для создания новой России»⁴².

В Опочецком районе в пригороде Красное с августа 1941 г. служил миссионер священник Феодор Ягодкин. В его успешном служении надежными помощниками оказались именно учителя. Помимо восстановленных храмов заслугой рижского священника можно считать открытие 15 начальных школ, которые работали под «деятельным надзором миссионера. Прежде всего, в этих школах по желанию самого народа был пройден полный курс Закона Божия с молитвами»⁴³.

К лету—осени 1942 г. позиции православной миссии укрепились. Миссионеры зарекомендовали себя в глазах местного населения как истинные пастыри. Свидетельство этому — небывалый духовный подъем, отражающий доверие к миссионерам большинства населения. Выросло число священников, находившихся в ведении Псковской миссии (в августе 1942 г. оно составило 84 священнослужителя). Помимо миссионеров из Прибалтийского экзархата в миссию вливались священники, попадавшие на оккупированные территории вместе с потоками беженцев из Ленинградской, Калининской, Московской областей и из Белоруссии, а также некоторые местные священнослужители из тех, кто в предвоенные годы скрывал свой сан.

С 1942/43 учебного года на торжествах открытия школ и в начале учебного года наряду с учениками, учителями, главами местной гражданской власти, представителями военной комендатуры, сотрудниками отдела пропаганды присутствовали православные священники. Почти вся деревня или село собирались в храме для общей молитвы, а затем крестным ходом с иконами и пением направлялись к школе, которую освящал батюшка и своим пастырским напутствием вдохновлял и детей, и взрослых на непростое поприще, проходя которое Церковь, семья и школа соединят силы, воспитывая молодое поколение в истинно христианском духе. Заметки о таких торжествах часто публиковались в местных газетах. Приведу несколько примеров. В г. Дно 1 октября 1942 г. открывалась школа. «В 11 часов дети построились в ряды и под руководством своих педагогов отправились в церковь, в которой священник о. Мартиниан отслужил благодарственный молебен» и обратился с напутственным словом к учащимся. «Трогательное зрелище представлял собой храм, наполненный пятью сотнями детей, которые, молясь, истово крестились еще не совсем уверенной рукой, ибо советская школа и семья их к этому не приучали»⁴⁴. В том же Дновском районе перед открытием школы священник Тресненского погоста о. Георгий отслужил молебен, на котором кроме школьников и учителей присутствовали родители. Все вместе пропели «Царю Небесный». По окончании торжества о. Георгий сказал детям несколько напутственных слов⁴⁵.

Православные пастыри, взявшие под духовное окормление учеников и учителей народных школ, не оставляли без внимания и родителей школьников. Родительские собрания в школах проводились в присутствии священника, на них шла речь «об обязанностях родителей и новой русской школы в обучении и воспитании детей»⁴⁶. Заканчивались такие собрания молебном и пастырским напутствием к молящимся, смысл которого состоял в неотступном соблюдении главной обязанности каждого человека — выполнять заповеди Божии. Деятельность духовенства в школах находилась под контролем оккупационных властей.

С осени 1942 г. во многих школах Псковщины в учебную программу был введен Закон Божий. Для успешного преподавания этого предмета необходимо было разработать учебное и методическое пособия и подготовить законоучителей. В 1942 г. по поручению митрополита Сергея священники Георгий Бенигсен и Иоанн Легкий составили программу (конспект) для преподавателей Закона Божия. Программа была отпечатана в псковской типографии, а затем распространялась через канцелярию управления миссии⁴⁷. Методические пособия рассылались из Пскова благочинным, а те распределяли их по запросам подведомственного духовенства и законоучителей. Некоторое количество учебников по Закону Божию также можно было получить через управление миссии. Нередко сами священники отправлялись в Ригу за необходимыми книгами и пособиями. Такую запись в своих воспоминаниях оставил о. Георгий Тайлов: «Учебники по Закону Божию я привез из Риги, купив их у о. Николая Перехвальского, который еще до войны издал целый ряд учебников по Закону Божию для русских начальных школ в Латвии»⁴⁸. В годы войны о. Николай Перехвальский являлся членом Латвийского епархиального совета.

В августе 1942 г. в Экзаршее управление пришло письмо от протоиерея Сергея Ефимова, в тот момент священствовавшего и одновременно преподававшего Закон Божий в г. Абрене (ныне Пыталово) Псковской обл. в гимназии и основной 6-классной школе. Протоиерей Сергей делился мыслями и тревогами относительно преподавания Закона Божия, сетовал на нехватку учебников, недостаточное количество учебных пособий, прохладное отношение учеников к этому предмету и предлагал составить в помощь законоучителям специальные конспекты по истории Церкви, вероучению и нравственному воспитанию. Митрополит Сергей внимательно отнесся к замечаниям протоиерея и оставил следующую резолюцию: «Согласен с пожеланием о. Ефимова издать конспект по преподаванию Закона Божия в средних школах применительно к новому уровню и пониманию жизни нашей молодежи. Мною давались указания школьному столу Экзаршего управления»⁴⁹. Возможно, тогда же владыка Сергей подобное указание отправил и в Псков.

На заседании епархиального совета Латвии 6 мая 1943 г. был рассмотрен вопрос «О необходимости издания учебников Закона Божьего на русском языке»⁵⁰. Это издание предназначалось как для русских школ в Латвии, так и для законоучителей Псковской миссии. В январе 1944 г. в Риге вышел новый учебник по Закону Божию под редакцией священника Николая Трубец-

кого для русских школ экзархата и православной миссии «в освобожденных областях России»⁵¹. О. Николай в числе первых прибыл в Псков в августе 1941 г., затем продолжал свое служение в Риге, некоторое время являлся редактором печатного органа Псковской миссии — журнала «Православный христианин», составил церковный календарь на 1943 г. для оккупированных территорий. Это издание псковские законоучители использовали в качестве учебного пособия при объяснении детям основ устава Церкви и православного богослужения⁵².

Учебников и пособий не хватало. Кто-то из преподавателей использовал молитвословы и Священное Писание, кто-то на собственные средства приобретал учебники, кто-то, опираясь на свой опыт, составлял собственную программу по преподаванию Закона Божия. Однако даже тот, кто имел все пособия и программы, но не обладал церковным и евангельским опытом, вряд ли мог «зажечь» детские сердца и сделать свои уроки полезными.

В 1905 г. Святейший Синод высказал мнение о нежелательности преподавания Закона Божия народными (не относящимися к церковному клиру) учителями: «Предоставление права преподавать Закон Божий лицам без богословского образования низведет этот основной предмет школьного образования и воспитания с подобающей ему высоты... а потому Синод рекомендует, где нет приходского священника, приглашать преподавать Закон Божий заштатных священников и диаконов»⁵³. Под строгим контролем епархиального управления находился кадровый вопрос в отношении законоучителей в Прибалтийском экзархате. Постановлением Латвийского епархиального совета от 29 октября 1942 г. всем благочинным предлагалось представить списки школьных преподавателей Закона Божия с указанием сведений о каждом преподавателе и о порядке их назначения. При этом подчеркивалось, что законоучители могут быть назначаемы только с согласия и ведома епархиального совета⁵⁴.

В Псковской миссии ситуация в этом отношении была существенно иной. Несмотря на трудности религиозного обучения в школах Латвийской Республики в 1920–1930-х гг., эта традиция не прерывалась окончательно, как это случилось в Советском Союзе, где ни о каком христианском воспитании детей нельзя было и думать. Естественно, что первыми учителями Закона Божия стали священники-миссионеры, прибывшие из Прибалтийского экзархата. Многие из них и в Латвии имели опыт преподавания в школах: протоиерей Николай Колиберский, протоиерей Сергей Ефимов, священник Иоанн Легкий, священник Николай Трубецкой, священник Николай Жунда и др. Даже когда число священнослужителей, служивших в Псковской миссии, значительно выросло, преподавателей Закона Божия во всех открытых школах катастрофически не хватало. Особенно острой стала задача подготовки из имеющихся в наличии учителей, которые получили образование в советских учебных заведениях, педагогов для преподавания Закона Божия. Чаще всего решение этой задачи ложилось на благочинных и на местных приходских священников. В Порхове 5 октября 1942 г. на собрании духовенства, псаломщиков и церковных старост представитель

управления Псковской миссии священник Николай Жунда «усиленно настаивал на необходимости самим священникам контролировать и следить за преподаванием Закона Божия в школах и снабжать учителей соответствующей литературой»⁵⁵.

Вопрос о подготовке учителей, в том числе законоучителей, не раз поднимался на учительских конференциях. Для этой цели в районных или волостных центрах организовывались учительские курсы, к преподаванию на которых привлекались священники, им же поручался контроль за подготовкой учителей. Наряду с малоизвестными для советских педагогов предметами (например, идеалистической философией) учителя на курсах открывали для себя дотоле совершенно незнакомые духовные дисциплины. На курсах священнослужители разучивали со слушателями основные православные молитвы, знакомили с христианским вероучением и церковной историей. Как правило, подобные курсы заканчивались литургией и напутственным молебном с учительным словом пастыря⁵⁶.

О. Алексей Ионов в мемуарах описывает трудности, с которыми он сталкивался при работе со школами в своем благочинии. Сил священника хватало лишь на окормление городских (г. Остров) и пригородных школ. Для остальных он лично подбирал кандидатуры в законоучители. «Постепенно во всех школах появились иконы, молитва перед началом и после уроков и преподавание Закона Божия дважды в неделю»⁵⁷. В связи с подбором учителей о. Алексей оставил такое свидетельство. К нему из далекой деревни пришла молодая учительница с просьбой поручить ей преподавание Закона Божия. Согласившись, благочинный решил проверить ее знания в этом предмете. Учительница призналась, что она ничего еще не знает. «Но как же Вы собираетесь преподавать Закон Божий детям?» — удивленно спросил священник. «Я буду прежде сама учить урок, прорабатывать материал, а потом буду пересказывать его детям»⁵⁸. В экстремальных условиях фронта, разорения и нищеты такая «система преподавания» о. Алексием была признана возможной. На прощание священник подарил учительнице Священное Писание и благословил на богоугодное дело. Для миссионера о. Феодора Ягодкина именно школьные учителя стали верными помощниками в деле религиозного просвещения и образования.

В июле 1942 г. указом митрополита Сергия только что рукоположенный священник Алексей Цышурдеев был направлен из Риги в Псковскую миссию. До этого он служил псаломщиком и регентом в рижских храмах. Более года прослужил миссионер в местечке Новоселье Псковского благочиния. Включившись в возрождение церковной жизни, о. Алексей не оставил без внимания школы Новосельского района. Участвуя в учительской конференции, он сумел добиться разрешения у военного коменданта на преподавание Закона Божия и включение этого предмета в учебный план. Священник вел уроки Закона Божия, его супруга в той же школе преподавала немецкий язык. Вскоре о. Алексей сумел завоевать симпатии и уважение местного педагогического коллектива, поначалу настороженно встретившего «служителя культа» и введение в школе религиозного образования⁵⁹. В ноябре 1942 г. по ре-

комендации коменданта района о. Алексей Цыпурдеев был назначен заведующим отделом просвещения Новосельского района⁶⁰. Плоды его недолгого служения в какой-то мере видны в обращении к митрополиту Сергию (Воскресенскому) 80 участников учительской конференции Новосельского района: «Учительский состав Новосельского района настоящим письмом пред Вами, Высокопреосвященнейший митрополит Сергей, желает отметить заслуги и старания повседневно и в особенности в период настоящей конференции нашего духовного отца Алексея, священника новосельской церкви. Вселяя в нас дух уверенности, о. Алексей, не жалея своих сил, обучает нас урокам пения, для чего разработал полное методическое указание и производственный план занятий. Наряду с этим создал учительский хор, являющийся духовно-культурным обеспечением не только нас, учителей, но и окружающего населения»⁶¹. Письмо было написано 29 сентября 1943 г., т. е. всего за 1 год удалось изменить и мировоззрение учителей, и, видимо, психологическую атмосферу в школах.

В качестве еще одного примера вдохновенного пастырского и учительского служения хотелось бы упомянуть деятельность священника Алексея Азиатского в г. Любань Ленинградской обл., находившемся в ведении Псковской миссии. Этот пастырь до революции служил псаломщиком и диаконом, с 1894 г. одновременно учительствовал в церковноприходских школах Ладожского и Гдовского уездов. Он чудом избежал репрессий и накануне войны уже в священном сане (рукоположен в октябре 1928 г. архиепископом Псковским Феофаном (Туляковым)) оказался в Любани. 7 апреля 1943 г. от гражданских властей района Любань в адрес владыки Сергия (Воскресенского) была направлена благодарность, в которой говорилось: «Совершение священником Алексеем Азиатским священных служб и треб, обращение с богомольцами и прихожанами храма, законоучительство в школе 4-летке производится умело, истово и с достоинством, что вызвало у всего населения городка и близлежащих деревень к нему вполне искреннее уважение и почтение с чувством любви и заботы о его приличном существовании»⁶². Через месяц за подписью шефа района в Ригу пришло ходатайство о награждении о. Алексея камилавкой за ревностное выполнение иерейских обязанностей и духовное окормление школы Любани и окрестностей, несмотря на преклонный возраст и расстроенное здоровье⁶³.

Не всегда удавалось организовать полноценную церковноприходскую школу по разным причинам — финансовым, кадровым и другим, а светские школы тоже не везде и не всегда быстро открывались. В таких случаях священники прямо в храме проводили катехизаторские беседы, обучали Закону Божию и Священной истории. Чаще всего эти занятия проводились по воскресеньям не только для детей и молодежи, но и для взрослых. Нередко для проведения таких бесед приезжал миссионер из управления миссии. После богослужения прямо в храме расставляли длинные лавки, прихожане рассаживались и внимали словам пастыря. Подобные выездные собеседования проводили протоиерей Кирилл Зайц, священник Николай Жунда, псаломщик Константин Кравченко.

Священники миссии должны были с мест присылать отчеты о своей деятельности, в том числе о возрождении церковной школы. Некоторые отчеты сохранились. Из глухой глубинки (погост Белая) священник Симеон Ефимов отправил рапорт благочинному Дновского округа о. Василию Рушанову. Кроме отчета об открытых храмах, количестве служб, религиозной активности населения и многого другого немало места уделялось и школьному вопросу. Священник называет близлежащие деревни, школы которых он посещает, присутствует на уроках Закона Божия, беседует с законоучителями. Судя по отчету, сам о. Симеон не вел уроки в школе, но «курировал» религиозное образование. При этом отмечал, что во многих школах «дети очень радостно встречают священника и с большим удовольствием слушают». Они с готовностью отвечают на вопросы о знании молитв и истории Ветхого и Нового Заветов. Но священник пишет и о таких школах, где не было икон, школьники не имели понятия, как правильно наложить крестное знамение, и где христианское просвещение как таковое отсутствовало⁶⁴. В рапорте протоиерея Благовещенского собора Порхова Павла Студентова благочинному Дновского округа говорится следующее: «Преподаю Закон Божий в начальной школе... Дети школы с охотой и любовью воспринимают, что им преподают, молитвы и объяснения их... Хуже всего дело пока стоит с подростками, под влиянием безверия и атеизма, которое им навязывали большевики... молодые люди очень далеко отошли от веры и Церкви»⁶⁵.

Еще одно свидетельство о преподавании Закона Божия в школах на оккупированных территориях принадлежит кандидату богословия священнику Михаилу Смирнову, служившему в Гатчине. О. Михаил с января 1942 г. начал преподавать в гатчинской гимназии, там он сразу же встретился с серьезными трудностями. Нужно было завоевать уважение и внимание детей, заинтересовать их. «Ведь ребята, — писал законоучитель, — с головы до ног были “советскими”. А тут среди преподавателей вдруг оказался “поп”, тот самый... которого при советской власти все время шельмовали, поносили. И вот теперь его надо слушаться!» Однако уже к концу учебного года положение начало выправляться: поведение и успеваемость были хорошие, «чувствовалось, что те семена, которые были посеяны на уроках Закона Божия, дали свои плоды». Если поначалу некоторые «сорванцы» задавали каверзные вопросы, то со временем тон и смысл вопросов менялся, показывая, что «дети с большим интересом относятся к вопросам религии». О. Михаил служил на окраине города в маленьком кладбищенском храме, многие из его учеников-гимназистов стали его прихожанами: приходили помолиться, а некоторые даже пели в церковном хоре⁶⁶.

Бывали случаи, когда учителя не справлялись с возложенной на них трудной задачей религиозного воспитания, особенно если они сами еще не утвердились в вере и христианской церковной традиции. Зачастую светские педагоги до начала преподавания Закона Божия не знали ни молитв, ни церковнославянского языка, да и не могли его выучить за несколько недель, не имея для того ни пособий, ни времени. Одна из псковских газет подняла проблему формального подхода к обучению детей вере Христовой, обуслов-

ленного в большинстве случаев недостаточной подготовленностью учителей. Указано было и решение проблемы: «Надо начать с сообщения детям первоначального понятия о Боге, научить их сознательно молиться так, как молились святые люди, о чем и какими словами они просили Бога, за что благодарили и т. д.»⁶⁷

Значительную опасность представляли для членов миссии встречи с партизанами, запрещавшими священникам преподавание «религии» в школах⁶⁸. Однако начальник управления миссии протоиерей Кирилл Зайц, предпринимая миссионерские поездки, не боялся ни партизан, ни советских предрассудков своей потенциальной паствы. В журнале «Православный христианин» был опубликован материал об одной из таких поездок: «Многих тревожит вопрос о молодежи. Но мой взгляд на этот вопрос не изменился. Я люблю сталкиваться с юношеством и ясно вижу, что все несчастье молодых людей лишь в том, что они ничего не знают. Но отрадно, что они желают знать». Посетив один из близлежащих к Пскову приходов — в селе Неготь, о. Кирилл служил 3 дня подряд и поделился такими впечатлениями: «Причастников было много и среди них много юношей и девушек. В воскресенье храм был переполнен. Из церкви вышли около 2-х часов. Но я объявил, что в 4 часа будет беседа, и просил, чтобы собрались преимущественно все молодые люди. Храм переполнился. Беседа прерывалась пением и около 7 часов закончилась при напряженном внимании всех верующих. Как можно сказать, что молодежь погибла? Но, может быть, в данной местности условия жизни более благоприятны? Возможно и это. Но и в других местах условия могут измениться к лучшему»⁶⁹.

Регулярное преподавание Закона Божия в школах Пскова началось осенью 1942 г., после визита членов управления миссии к военному коменданту. Перед началом учебного года в псковском кафедральном соборе был совершен молебен. Приветственное слово школьникам произнес священник Иоанн Легкий. Преподавателями Закона Божия в Пскове в разное время были священники Георгий Бенигсен, Георгий Добровольский, Николай Жунда, псаломщики Игорь Булгак, Леонид Начис (впоследствии архимандрит Кирилл), Константин Кравченко, Василий Миротворский и Раиса Матвеева. В первые месяцы деятельности Псковской миссии при кафедральном соборе с детьми проводились занятия по Закону Божию и церковному пению, их проводил первый начальник миссии протоиерей Сергей Ефимов⁷⁰.

В марте 1942 г. по указу митрополита Сергия в Псков из Риги прибыла еще одна группа миссионеров — священник Николай Жунда и псаломщик Игорь Булгак. В ноябре 1942 г. Булгак был назначен законоучителем в 2 псковские школы, но из-за слабого здоровья через 2 месяца остался преподавать только во 2-й псковской 7-классной школе, где трудился до февраля 1944 г.⁷¹ Уроки Закона Божия в этой школе начинались в 3-м классе и велись до конца обучения. На занятиях преподаватель разучивал с учениками молитвы, знакомил со Священным Писанием, водил детей для участия в богослужении в кафедральный собор, где служил сам⁷².

Свидетельства о воцерковлении детей оставил и священник Николай Жунда, в то время настоятель Троицкого кафедрального собора. Во время

Великого поста 1943 г. дети приходили в храмы Пскова для общего говения. Отец Николай сам совершал богослужения для детей в соборе, где говело до 800 школьников. Настоятель обращался к детям с проповедью, внушая мысль о необходимости веры в Бога, просил их посещать храм, «дабы выросли достойными гражданами будущей свободной России». За этими богослужениями пел детский хор. В псковской газете священнику Николаю Жунде «за умелый подход к детям и простоту изложения христианского учения» была выражена признательность, а всем священникам и законоучителям — «благодарность от городского управления в письменном виде». В частности, были там и такие строки: «Наши дети, ранее совершенно лишенные религиозно-нравственного воспитания, в данное время в школах изучают Закон Божий. Каждый верующий и горячо любящий свою Родину с чувством большого удовлетворения видит, что дети и преподаватели в составе отдельных классов и даже целой школы говеют»⁷³. Другой современник пишет: «В Пскове сейчас наблюдается чрезвычайно отрадное явление — говение учащихся. Дети причащаются группами в 200–300 человек преимущественно в соборе»⁷⁴. После отъезда о. Сергия Ефимова из миссии в Латвию работу с молодежью при кафедральном соборе проводил священник Иоанн Легкий, ему помогал К. Кравченко⁷⁵.

Псковская миссия пыталась вовлечь в орбиту просветительской деятельности молодежь старше 16 лет. Подобную работу поддерживали и управление миссии, и приходы. Псковский кафедральный собор с осени 1942 г. ежемесячно выплачивал сумму в 1700 руб. на нужды миссионерской работы среди молодежи. Поступали единовременные пожертвования на эти цели из благочиний⁷⁶. В мае 1943 г. при управлении миссии был учрежден особый стол (отдел) по работе с молодежью. Его начальником был назначен священник Георгий Бенигсен, а помощником — Кравченко. Вскоре молодежный отдел издал циркуляр, в котором предлагалось священникам и благочинным шире развернуть работу с молодежью, создавая специальные кружки на приходах, проводя беседы и лекции на духовные темы⁷⁷.

Неверно думать, что немецкие власти поддерживали религиозное христианское воспитание в школах. В большинстве случаев они лишь не препятствовали инициативе псковских миссионеров. Поэтому можно говорить, что активное участие представителей миссии в деле воспитания и образования детей и молодежи, а также введение уроков Закона Божия в большинстве школ не являлись мерой, принимаемой отделами образования и администрациями школ под давлением оккупантов. Интересно, что работу с молодежью, выходящую за рамки уроков Закона Божия, немцы терпели только в Пскове. Так, например, одним из поводов перевода священника Алексея Ионова из Острова, где он вел занятия в евангельском кружке, стала именно излишняя, с точки зрения оккупационных властей, активность миссионера. Известны и другие примеры столкновения законоучителей с немецкой администрацией⁷⁸.

Церковные школы и молодежные кружки Псковской миссии

Псков в годы немецкой оккупации стал центром христианской работы с детьми. Эта работа осуществлялась под руководством Псковской миссии, в составе которой было много членов РСХД и тех, кто поддерживал и духовно окормлял движение в Прибалтике, — протопресвитер Кирилл Зайц [протопресвитером о. Кирилл Зайц стал в 1943 г. — *К. О.*], священник Георгий Бенигсен, священник Константин Шаховской, псаломщики Константин Кравченко, Виталий Караваев и Георгий Ильинский, Раиса Матвеева, Надежда Одинокова, Зинаида Соловская, Василий Миротворский. В городе действовали члены Народно-трудового союза, некоторые из них активно трудились в составе миссии — священник Георгий Бенигсен, Р. В. Полчанинов, К. И. Кравченко, Р. И. Матвеева.

В 1941–1943 гг. в Пскове действовали 2 церковноприходские школы при православных храмах прп. Варлаама Хутынского и вмч. Димитрия Мироточивого, которые являлись настоящими «содружествами молодежи». В сочельник 1942 г. при Варлаамовской церкви, где настоятелем служил священник Константин Шаховской, прибывший в ведение Псковской миссии из Эстонии, был организован кружок молодежи. Его «зачинщиком» являлся В. В. Миротворский, бывший член РСХД из Печор. Поначалу подростки собирались для совместного чтения и обсуждения Евангелия, а позже к этому прибавились «беседы на религиозные и национальные темы»⁷⁹.

Кружок явился своего рода предтечей церковной школы, открывшейся в начале весны 1942 г. Руководителем школы стал настоятель. По данным советских историков, всего в школе, руководимой о. Константином Шаховским, учились 80 детей⁸⁰. Помимо привычных для школьной программы уроков математики, русского языка и прочих дети «постигали Закон Божий, историю Русской Православной Церкви, читали святоотеческую литературу, изучали старославянский и русский языки». Для бывших еще вчера советских школьников начиналась новая жизнь: вместе с наставниками ходили в храм, учились участвовать в церковной молитве, «все вместе справляли праздники православного календаря»⁸¹.

Занятия проходили в церковной сторожке. На первое занятие собралось не более 15 детей в возрасте от 10 до 13 лет. Воспитанница Варлаамовской школы Мира Яковлева, вспоминая о занятиях, писала, что, как ни важны были уроки по школьной программе, «самым драгоценным были дружеские беседы с... наставниками». В условиях военного времени большинство детей оказались без надзора родителей. В школе дети не просто учились, но находились под присмотром добрых и ответственных педагогов. Как вспоминает М. Яковлева, «не прошло и месяца, как мы уже и шагу не могли ступить без своего учителя (В. Миротворского). Где бы мы ни находились во внеурочное время, наши головы все равно были повернуты в сторону церковной сторожки: мы знали, что почти всегда могли найти там своего учителя». При этом молодой педагог не старался какими-то особыми приемами завоевать детские сердца,

«просто он жил так, что мы были абсолютно уверены: наш учитель всегда, когда бы мы ни пришли, будет нам рад. Со временем... считалось естественным, если кто-то из нас заболел, то в доме сразу появлялся Василий Васильевич, доставал лекарства, приносил молоко, малину, другие снадобья, добытые у прихожан, заботился о нас. Но главным его качеством было то, что нам, малышне 10–11 лет и подросткам 12–13 лет, было всегда с ним одинаково интересно, на уроках ли, на прогулках ли по городу или просто на наших “сидениях” в сторожке в нескончаемых беседах»⁸².

Самым ярким событием в недолгой истории Варлаамовской школы было паломничество группы воспитанниц в Псково-Печерский монастырь. Паломничество организовал Миротворский, вместе с ним отправились 15 девочек 13–14 лет. Они составляли церковный кружок, который являлся «костяком» школы. Через управление миссии удалось получить у оккупационных властей пропуск для перехода границы⁸³. Шли паломники, как и полагается, пешком, за 2 дня преодолев путь до монастыря. После первого дня путешествия остановились в деревне Тешевицы на ночевку у знакомых Миротворского, также бывших членов филиала РСХД в Эстонии. На исходе 2-го дня паломники пришли в монастырь ко всеобщей под праздник Успения Пресвятой Богородицы. Остановились юные псковичи в доме РСХД, который когда-то был построен по инициативе учителя Николая Николаевича Пенькина в качестве общежития для детей из глубинки, обучавшихся в печорской гимназии. Здесь паломников ждал радушный прием, устроенный друзьями Миротворского. В день главного монастырского праздника все приняли участие в службе: «Огромное стечение народа, звон колоколов, крестный ход вокруг монастыря — все это было для нас впервые и поэтому незабываемо», — вспоминает эти дни Яковлева⁸⁴. К сожалению, этот яркий эпизод стал последним в истории Варлаамовской школы. Осенью 1942 г. занятия не возобновились — настоятель храма о. Константин Шаховской получил новое назначение и уехал из Пскова. Миротворский отправился в Вильно для учебы на богословских курсах, где велась подготовка священнослужителей-миссионеров для Псковской миссии.

Появление 2-й церковной школы в Пскове связано прежде всего с деятельностью священника Георгия Бенигсена. Он в числе первых приехал в Псков в августе 1941 г., до июня следующего года являлся секретарем управления миссии, летом 1943 г. был назначен начальником стола по духовно-просветительской работе с молодежью. В продолжение почти всего своего служения в Псковской миссии о. Георгий нес послушание настоятеля храма во имя вмч. Димитрия Мироточивого. Псаломщиком в этот храм был определен Константин Кравченко — школьный друг и соратник о. Георгия по РСХД. Кравченко занимал должность заместителя начальника стола по развитию христианской культуры среди молодежи, преподавал Закон Божий, являлся представителем миссии при Псковской городской управе, некоторое время вел финансовые дела управления Псковской миссии.

В июне 1942 г. о. Георгий ненадолго оказался в Риге и написал доклад митрополиту Сергию о своей деятельности в рамках Псковской миссии

и одновременно прошение об освобождении от обязанностей секретаря управления миссии. Эта просьба была продиктована желанием миссионера сосредоточить свои силы целиком на работе с детьми и молодежью: «Отдавая должное практике миссионерских разъездов и проповеди по различным приходам, я считаю не менее важным установление новой приходской практики в новых и необычных условиях, каковые имеются в наличии в освобожденных областях. В этом отношении я работаю уже в течение нескольких месяцев, особое внимание уделяя работе с детьми»⁸⁵. К тому времени при Дмитриевском приходе уже действовала ежедневная школа Закона Божия. Ее посещали 137 детей от 6 до 15 лет⁸⁶. Осенью планировалось открыть при храме общеобразовательную городскую школу. В летние дни 1942 г. о. Георгий разворачивал активную работу с псковской молодежью. В своем обращении к архиерею он испрашивал благословение на этот труд: «Надеюсь, что мой опыт в этом деле даст некоторые полезные данные для миссионерского дела и для устройства приходской жизни в освобожденных областях. Смирненно прошу Ваше Высокопреосвященство разрешить мне продолжить начатое мною приходское и религиозно-воспитательное дело»⁸⁷. На прошении митрополит Сергей написал резолюцию об освобождении Георгия Бенигсена от обязанностей секретаря управления миссии и дал благословение «на дальнейшее обслуживание приходов, а также устройство школ»⁸⁸. В своем рапорте о. Георгий упоминал новые особые условия в приходской практике, когда было недостаточным просто применять традиционные методы православной миссии. Возможно, секрет успеха деятельности Варлаамовской и Дмитриевской школ Пскова заключался в том, что и в той, и в другой активно использовался опыт, накопленный РСХД.

Своеобразным отчетом о работе, которую о. Георгий Бенигсен проводил, получив благословение владыки Сергея на труды, является рапорт, направленный им 1 октября 1942 г. начальнику управления миссии. Документ свидетельствует о кипучей миссионерской деятельности, основным стержнем которой являлось христианское воспитание детей. При храме вмч. Димитрия Солунского был устроен детский христианский центр, с 1 октября 1942 г. действовали церковные детский сад и школа. В школу из-за отсутствия в оккупированном Пскове гимназии принимались ученики, окончившие 4 класса начальной школы. Ко дню открытия школы предварительно записалось более 60 человек. Через некоторое время число учащихся выросло до 150 человек⁸⁹. Тогда же при храме открылся приют для сирот на 15 человек. Разместился он в церковном доме, отремонтированном и обустроенном силами прихожан. Воспитанники приюта посещали церковную школу, некоторые после подготовки были крещены о. Георгием, впервые именно здесь участвовали в таинствах. Дети в школу принимались не младше 8 лет, в основном подростки 13–15 лет, с той целью, чтобы «уже в ближайшие годы их можно было подготовить к религиозно-воспитательной работе среди детей и молодежи»⁹⁰. Этот опыт также идет из практики РСХД, когда в дружинах «витязей» существовали младшие, средние и старшие звенья. При этом старшие активно принимали участие в воспитании младших. Отец Георгий старался вовлечь

своих подопечных в то дело, которое стало главным в его жизни, — проповедь Евангелия. Подтверждение этому содержится в рапорте о. Георгия: «Согласно любезному предложению псковского отдела пропаганды, я имел смелость взять на себя заведование отделом детских передач Псковского радиоузла. Две передачи мною уже поставлены... В передачах, кроме меня, принимают участие воспитанники моей церковной школы и лучшие художественные силы города»⁹¹.

Кроме миссионерского служения на базе Димитриевского прихода о. Георгий проводил беседы на собраниях христианского молодежного кружка, организованного при псковском кафедральном соборе. С осени 1942 г. неутомимый пастырь приступил к преподаванию Закона Божия в псковской художественной школе. В этой школе обучалось около 60 молодых людей в возрасте от 17 до 22 лет. О. Георгий так описывал свои впечатления от учащихся: «Должен сказать, что моя первая встреча с этой молодежью, против всех ожиданий, произвела на меня чрезвычайно отрадное впечатление. С этой молодежью работать можно, и работа может быть плодотворной и интересной»⁹².

Несомненно, о. Георгий не смог бы справиться со всеми делами в одиночку, у него были надежные помощники. Церковным садом заведовала З. Ф. Соловская, руководство приютом настоятель поручил Н. Г. Одиноковой. Обе девушки, состоявшие в РСХД, приехали в Псков из Печор. С Бенигсеном они были знакомы еще до войны, поскольку он не раз приезжал в Печору из Латвии в гости к местному отделению РСХД. Соловская и Одинокова в конце 1930-х гг. организовали и трудились в христианских детских садах для сельских ребятишек, их опыт работы с детьми в рамках РСХД оказался бесценным в новых условиях Псковской миссии.

В Свято-Димитриевской церковной школе преподавали сам о. Георгий, Миротворский (до отъезда в Вильно), Соловская и Кравченко. В марте 1943 г. из Риги по благословению митрополита Сергия для работы в школе прибыл член НТС Р. В. Полчанинов. Полчанинов был принят учителем в церковную школу, сменив Кравченка, который был вынужден оставить учительство из-за загруженности хозяйственными делами в управлении миссии, а также отчасти из-за недовольства немцев патриотическим содержанием уроков Константина Иосифовича (рассказами о св. блгв. князе Александре Невском и другими темами). В Димитриевской школе наряду с обычными для образовательной программы предметами изучали Закон Божий, проводили беседы о русских святых, изучали православное богослужение, в частности Божественную литургию, по церковному календарю на 1943 г., составленному протоиереем Николаем Трубецким и изданному специально для Псковской миссии.

Помощь в ведении хозяйственных дел приюта оказывал немецкий офицер В. Бруно. В Первую мировую войну он был офицером российской армии, сохранил любовь к России. Взяв под покровительство приют о. Георгия Бенигсена, Бруно помогал, чем мог: выделял дополнительное питание, включая молоко и жиры, чего русскому населению по продуктовым карточкам не полагалось⁹³.

В пасхальные дни 1943 г. в Псков прибыл экзарх Прибалтики митрополит Сергей. Он знакомился с жизнью православного Пскова, с работой миссии, посещал православные приходы города. Посетил владыка и Дмитриевский храм, а вместе с ним и церковную школу, детский сад и приют. Молодежь из соборного кружка и воспитанники школы подготовили к приезду почетного гостя концерт и спектакль. Перед концертом в храме отслужили молебен. Воспитанники торжественно встречали владыку. В помещении школы к празднику вывесили номер стенгазеты Варлаамовского звена «Возрождение». Владыка остался доволен увиденным, высоко оценив труды священника Георгия Бенигсена и его помощников-мирян. Празднество, состоявшееся в день ангела о. Георгия, закончилось общим построением всех детей и взрослых во дворе церковной школы и церемонией поднятия русского флага, который взвивался в псковское небо в последний раз в 1919 г. Всего в празднике участвовало около 200 детей⁹⁴.

Р. В. Полчанинов в своих воспоминаниях об этом дне пишет: «Надо добавить, что “детский праздник” состоялся 6 мая — в день святого Георгия, небесного покровителя организации российских “разведчиков”»⁹⁵. Как уже было сказано, Полчанинов в Псков попал по линии НТС. Нелегально выехав из Берлина и переправившись через Польшу, он оказался в оккупированной России. Кроме членства в Союзе Полчанинов до войны участвовал в Югославии в скаутской Национальной организации русских скаутов-разведчиков (НОРС-Р). Весной 1943 г. помимо уроков в школе и участия в работе христианских кружков Полчанинов начал проводить отдельные занятия с группой учеников Дмитриевской школы и несколькими детьми из приюта. Занятия проходили по программе скаутских «курсов для вожаков». Это была подготовка ребят для внешкольной работы среди сверстников⁹⁶.

В ноябре 1943 г. немцы потребовали от управления миссии увольнения Полчанинова с работы в церковной школе и высылки в Варшаву. Кроме недостатка времени для серьезной подготовки вожаков звеньевой скаутской работы, по мнению Полчанинова, не хватало инициативы самих воспитанников: «Все девушки были очень милые, исполнительные, но без инициативы, без амбиций и без руководительской жилки в характере»⁹⁷. Все же, когда воспитанницы скаут-мастера оказались в связи с тотальной эвакуацией жителей Пскова весной 1944 г. в Прибалтике, они не теряли связи со своим учителем. Одна из учениц в письме Полчанинову сообщала, что взяла с собой литературу для работы с молодежью, но не с кем было работать⁹⁸.

В мае 1943 г. оккупационные власти ужесточили закон о трудообязанности — теперь даже дети старше 12 лет были объявлены трудообязанными. Как единодушно отмечают Жадан и Полчанинов, церковные школы в связи с этим распоряжением были закрыты. Однако, по рассказам воспитанников, внешкольные занятия не прекращались вплоть до начала планомерного выселения на Запад мирных жителей и различных организаций, в том числе и православной миссии. Немцы уже не были столь терпимы, как в 1941–1942 гг.: приближалась линия фронта, и все яснее осознавалась зыбкость мирной жизни тылового города. 22 июня 1943 г. на Псков был совершен первый

налет советской авиации. Среди разрушенных зданий города оказался и приют при церкви вмч. Димитрия Мироточивого⁹⁹. Никто из воспитанников не пострадал, однако для жизни помещение стало непригодно. Приют переселился в Мирожский монастырь, расположенный в черте города на берегу реки Великой.

Поскольку подростки старше 12 лет не имели возможности посещать школы, центрами религиозного воспитания и образования со 2-й половины 1943 г. стали христианские кружки молодежи. Первый христианский кружок появился при храме прип. Варлаама Хутынского, его собрал Василий Миротворский. В 1942 г. сформировались кружки при кафедральном соборе и при школе, организованной о. Георгием Бенигсеном. Занятия с «соборной» группой молодежи начал священник Иоанн Легкий. Помогал ему Кравченко, а после того как о. Иоанн вернулся в Ригу, руководство кружком осуществляли Кравченко и о. Георгий. Занятия проходили по воскресеньям в комнате Кравченка в доме православной миссии на территории Кремля. Неоднократно К. Кравченко докладывал в управление миссии о том, что комната не вмещает всех желающих посетителей и нужно подыскать другое помещение¹⁰⁰. Некоторое время собрания молодежи проходили в помещении церковной школы храма вмч. Димитрия Мироточивого.

В конце 1942 – начале 1943 г. в Псков из Эстонии приехала Р. И. Матвеева. Поначалу она работала телефонисткой, после случайной встречи на улице со своей знакомой по РСХД Соловской, от которой узнала о работе Псковской миссии, оставила коммутатор и устроилась законоучителем¹⁰¹. Матвеева преподавала Закон Божий в школах города, одновременно с этим она начала вести внешкольную кружковую работу. Летом 1943 г. специально для собраний молодежи было выделено помещение на 2-м этаже колокольни кафедрального собора. На 1-м этаже была устроена свечная мастерская, чьей продукцией обеспечивалась потребность в свечах большинства храмов Псковской миссии. 2-й этаж, долгое время пустовавший, находился в запущенном состоянии. Матвеева со своим кружком благоустроила его, и это место стало вплоть до февраля 1944 г. центром внешкольной работы с детьми и молодежью.

Жадан в своих воспоминаниях оставил такое свидетельство: «На втором этаже (колокольни) молодежь своими силами привела помещение в порядок для сборов младших и для литературного кружка старших. Там же с молодежью по группам велись беседы на религиозные темы. Все это происходило под надзором немцев. Но, несмотря на надзор, работа с младшими была фактически подпольной скаутской работой. В ней использовалась программа занятий «юных разведчиков» (скаутов), и ребята считали гимн «Будь готов, разведчик, к делу честному» своим гимном». Главной задачей литературного кружка старших было «воспитание в патриотическом, национальном и православном духе»¹⁰². Младшее звено и литературный кружок выпускали свои стенгазеты. На собраниях читали доклады по философии, истории, литературе, вопросам христианства. При Троицком кафедральном соборе в том же помещении колокольни открылась библиотека, где можно было получить

православную литературу, а также книги Достоевского, Толстого, Пушкина, Тургенева¹⁰³.

Осенью—зимой 1943 г. кружковая работа целиком сосредоточилась при кафедральном соборе. До этого кружки также проводили совместные сборы, «варлаамовцы» ходили в гости к воспитанникам о. Георгия в школу при Дмитриевском храме. После того как приют из церковного дома Дмитриевского храма переехал в Мирожский монастырь, о. Георгия заменил новый настоятель — о. Феодор Михайлов, собрания «дмитриевского» кружка стали проходить на соборной колокольне. Священник Георгий Бенигсен указом митрополита Сергия от 5 июня 1943 г. был назначен ключарем Свято-Троицкого кафедрального собора в Пскове. Работой с младшими звеньями руководили Полчанинов, Матвеева и Соловская. Встречи литературного кружка проводили о. Георгий Бенигсен, К. Кравченко, о. Алексей Ионов (к тому времени его перевели из Острова в Псков настоятелем Варлаамовского храма). На собрания часто приглашали членов управления миссии — о. Николая Жунду, А. Перминова (делопроизводитель управления миссии), Д. Сабурова (художник и архитектор при управлении миссии, руководитель иконописной мастерской). Много внимания уделял занятиям с детьми и встречам с молодежным сообществом начальник миссии протопресвитер Кирилл Зайц. Одним из последних крупных собраний православной молодежи Пскова была праздничная рождественская программа в святочные дни января 1944 г.¹⁰⁴

18 февраля 1944 г. на Псков был совершен рейд советской авиации. Бомбардировка началась в 17 часов и закончилась поздним вечером. Серьезные разрушения парализовали жизнь города, и в течение последующих 5 месяцев (с февраля по июль 1944 г.) Псков и его окрестности находились в зоне военных действий. Немецкие оккупанты приступили к реализации плана, по которому на оставляемой ими территории должна была остаться «пустыня». Все ценное вывозилось, все сохранившиеся после бомбардировки объекты жизнеобеспечения выводились из строя или разрушались, выкапывали даже кабель из земли. Жители выселялись из домов и в принудительном порядке вывозились в лагеря беженцев в Прибалтике или расселялись по хуторским хозяйствам.

Управление Псковской миссии также получило приказ эвакуироваться в Латвию. Священник Георгий Бенигсен уехал из Пскова в Ригу 19 февраля 1944 г. Вместе с собой он увез 13 воспитанников приюта в сопровождении воспитательницы Одиноковой¹⁰⁵. В Латвии дети были определены в приют на Рижском взморье, который организовала во время войны О. Е. Бенуа¹⁰⁶. Перед отъездом из Пскова Полчанинов провел со своими подопечными прощальный сбор. Расставаясь, он раздал своим питомцам берлинский адрес своего соратника по скаутским лагерям в довоенной Югославии. Позже ему удалось наладить переписку с некоторыми девушками из своего звена. Находясь на чужбине, в Германии или в Прибалтике, они ощущали поддержку и заботу учителя. В течение 1944–1945 гг. продолжалось это общение. Полчанинов в письмах посылал собственный рукописный журнал «Перезвоны»,

настраивал своих учениц на ведение христианской и скаутской работы среди сверстников, как только на то представится возможность. Письма эти сохранились и были опубликованы в Америке и Пскове¹⁰⁷.

Церковные школы, действовавшие в годы немецкой оккупации в Пскове при Варлаамовском и Дмитриевском храмах, несмотря на все трудности времени и непродолжительность их существования, блестяще справились с задачей воцерковления жизни детей. Благодаря участию в богослужении и урокам, на которых изучались основы богослужебного устава, для многих воспитанников этих школ храм стал родным. Христианское воспитание осуществлялось также через воцерковление среды обитания. Этот принцип был одним из центральных в миссионерской работе среди молодежи, проводимой членами РСХД в Европе и Прибалтике. Основной формой этой работы являлась организация кружков молодежи, особое внимание уделялось изучению русской литературы, истории, философии (в том числе религиозной). В Пскове также создавались подобные кружки молодежи, призванные прививать подросткам основы христианской культуры. С младшими воспитанниками велась скаутская работа.

Огромное значение в процессе церковного воспитания и образования имеет личный пример пастыря и педагога. Благодаря свидетельствам ныне здравствующих воспитанников церковных школ Пскова, можно живо представить себе образы их старших товарищей. Они были разными людьми, миряне и священники, — о. Георгий Бенигсен, о. Константин Шаховской, о. Алексей Ионов, Василий Миротворский, Константин Кравченко, Надежда Одинокова, Зинаида Соловская, Раиса Матвеева. Но в главном они были едины — в преданности Богу и Церкви, в полной самоотдаче и большой любви к ученикам. Они почти не расставались со своими воспитанниками — на уроках, внешкольных занятиях, в совместной молитве, в походах и играх.

Завершая этот очерк, хочу привести несколько цитат из воспоминаний ученицы Варлаамовской школы и христианского кружка М. Яковлевой: «Это было наше маленькое духовное братство... В этом братстве не было старших и младших, были просто люди опытнее, образованнее, мудрее нас. Мы были включены в заботы и интересы наших друзей и наставников, ну а они, конечно, знали о нас все»¹⁰⁸. Об о. Георгии Бенигсене его бывшая воспитанница писала: «Он был молод, красив, улыбка не сходила с его лица во время нашей беседы, к тому же он был остроумен, ставил нас в тупик своими вопросами, подсказывал ответы, любил, как мы поняли, хорошую шутку и вместе с нами весело смеялся. В последующие годы он представал перед нами серьезным и даже строгим во время богослужений, озабоченным, когда ему приходилось решать непростые вопросы содержания приюта в военное время, но мы знали, что закончится обедня, решит о. Георгий хозяйственные дела, подойдет к нам, расскажет веселую историю, приободрит нас, если мы загрустили, и все будет хорошо. Летом о. Георгий играл с нами в мяч в саду позади церковного дома, где была хорошая площадка. Он был спортивен, ловко отбивал мяч, вызывая наш восторг»¹⁰⁹.

Такие же теплые слова бывших учениц церковных школ, организованных Псковской миссией в годы войны, я слышал и о других учителях-мис-

сионерах. И ученики, и их наставники вспоминали те далекие дни, наполненные горем и лишениями войны, как самые светлые моменты жизни, определившие их будущий путь и служение¹⁰. И это лучшее свидетельство успеха образовательной деятельности Псковской миссии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бах Д., Смирнов В. Немецкие следы в одном русском городе. Псков, 1997. С. 84.
- ² В завоеванных Польше, Белоруссии, на Украине и в части России немцы, упразднив все высшие и средние учебные заведения, разрешали начальное образование детей до 14, позднее до 12 лет, более старшие дети считались трудообязанными (в странах Западной Европы оккупанты сохранили традиционную систему образования).
- ³ За Родину (Дно). 1943. 5 сентября. № 204(516).
- ⁴ Псковский вестник (Псков). 1942. 8 августа. № 29(41).
- ⁵ За Родину. 1943. 16 февраля. № 38(359).
- ⁶ Пирожкова В. А. Мои три жизни. СПб., 2002. С. 170–171.
- ⁷ Псковский вестник. 1942. 15 августа. № 30(42).
- ⁸ Там же. 8 августа. № 29(41).
- ⁹ За Родину. 1942. 19 августа. № 48(208).
- ¹⁰ Там же. 1943. 5 марта. № 53(374).
- ¹¹ Национально-трудовой союз был создан в 1930 г. в Белграде представителями «национально мыслящей» русской молодежи из Югославии, Франции, Болгарии, Чехословакии и Голландии. Первое название союза — Национальный союз русской молодежи, на 2-м съезде в декабре 1931 г. было принято новое название — Национальный союз нового поколения (НСНП), в феврале 1936 г. исполбюро утвердило наименование — Национально-трудовой союз нового поколения, в годы Второй мировой войны принято название — Национально-трудовой союз. Главной целью союза провозглашалось освобождение России от большевизма путем национальной революции. Предлагались идеи национальной России взамен коммунистического интернационала и трудовой солидарности взамен классовой борьбы. Члены союза нелегально переходили границу СССР для ведения политической, агитационной работы, для создания подпольных групп «солидаристов». После вторжения немецких войск в СССР была провозглашена новая политическая линия: «Борьба на два фронта — с завоевателями извне и с тиранией внутри», за независимую Россию. Для ведения такой борьбы на оккупированной территории СССР нелегально действовали группы НТС в Киеве, Одессе, Виннице, Минске, Смоленске, Брянске, Орле, Пскове. Центром работы союза на Псковщине был Псков, где члены НТС трудились в составе православной миссии.
- ¹² Жадан П. В. Русская судьба: Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне. Нью-Йорк, 1989. С. 157–158.
- ¹³ Митрополит Сергей (Воскресенский) в начале 1941 г. приехал в Прибалтику из Москвы и занял вакантную Литовскую кафедру. 24 февраля 1941 г. указом Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергея (Страгородского) был учрежден Прибалтийский экзархат как особая митрополичья область во главе с митрополитом Сергием.
- ¹⁴ Государственный архив Псковской области (далее — ГА ПО), ф. 1633–Р, оп. 1, д. 3, л. 18.

- ¹⁵ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 1, л. 33.
- ¹⁶ Там же, л. 34.
- ¹⁷ Православный христианин (Рига). 1942. № 1. С. 4.
- ¹⁸ Русское студенческое христианское движение зародилось в октябре 1923 г. в Чехословакии. На первом съезде РСХД присутствовали 3 епископа, 2 протоиерея, несколько профессоров, 35 студентов, представлявших русские студенческие центры в Европе. У истоков движения стояли о. Сергей Булгаков, В. В. Зеньковский, А. В. Карташев, Г. В. Флоровский, Н. А. Бердяев, Л. А. Зандер, П. И. Новгородцев. Целями РСХД были организация русской эмигрантской молодежи для служения Церкви и «привлечение к вере во Христа неверующих». Движение видело своей основной задачей помощь молодежи в выработке христианского мировоззрения и подготовку из ее рядов миссионеров, защитников веры и Церкви. Деятельность движения была связана с Православным Богословским Свято-Сергиевским институтом в Париже. История РСХД в Прибалтике началась после приезда в Ригу из Парижа (март 1927 г.) С. М. Зерновой. В августе 1928 г. состоялся 1-й съезд РСХД в Прибалтике, в Преображенской пустыни под Митавой (Латвия). Впоследствии съезды РСХД в Прибалтике проводились регулярно. В Прибалтике движение также основное внимание уделяло воцерковлению культуры и всей жизни молодежи, придавая большое значение религиозно-педагогической работе. Деятельность движения в Латвии была запрещена правительством в декабре 1934 г. РСХД в Эстонии существовало вплоть до вхождения республики летом 1940 г. в СССР, когда новая власть закрыла все русские эмигрантские организации, а их руководителей репрессировала.
- ¹⁹ Дружины «витязей» — скаутские отряды, образованные членами РСХД в Европе и в Прибалтике в 1920–1930-х гг.
- ²⁰ Подробнее о протоиерее Николае Колиберском см.: *Обозный К.* Псковская православная миссия // Псковские хроники: История края в документах и исследованиях. Вып. 3. Псков, 2002. С. 36–39.
- ²¹ Православный христианин. 1943. № 1–2 (6/7). С. 6.
- ²² *Бенигсен Георгий, прот.* Христос Победитель // Вестник РХД. 1993. № 168. С. 137.
- ²³ Там же. С. 136.
- ²⁴ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 1, л. 121. После освобождения Прибалтики от немецких войск осенью 1944 г. протопресвитер Кирилл Зайц был арестован сотрудниками советских спецслужб и осужден на 20 лет ИТЛ, умер в Карлаге в 1948 г.
- ²⁵ Православный христианин. 1942. № 1. С. 4.
- ²⁶ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 1, л. 40.
- ²⁷ Там же, т. 4, л. 827.
- ²⁸ Там же, л. 836–837.
- ²⁹ См.: *Колотилова С. И. и др.* Псков: Очерки истории. Л., 1971. С. 284.
- ³⁰ *Жадан П. В.* Русская судьба... С. 168.
- ³¹ Ответ экзарха митрополита Сергия на заявление Московского митрополита // Православный христианин. 1942. № 4. С. 15.
- ³² Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 2, л. 354.
- ³³ Там же, л. 292.
- ³⁴ ГА ПО, ф. 1633–Р, оп. 1, д. 1, л. 27.
- ³⁵ Правильно: в Пушкиногорском уезде.
- ³⁶ Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 7469, оп. 2, д. 353, л. 54.

- ³⁷ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 4, л. 835.
- ³⁸ *Тайлов Георгий, прот.* Воспоминания о работе Псковской православной миссии 1941–1944 гг. // Православная жизнь (приложение к «Православной Руси»). 2001. № 1(612). С. 12.
- ³⁹ *Ионов Алексей, прот.* Записки миссионера: (Псковская миссия) // По стопам Христа / Православное изд. прот. Николая Веглайса. Беркли. 1955. № 55. С. 12–13.
- ⁴⁰ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 3, л. 354.
- ⁴¹ Там же, т. 1, л. 121.
- ⁴² За Родину. 1942. 25 ноября. № 23(291).
- ⁴³ Псковский вестник. 1942. 30 мая. № 19(31).
- ⁴⁴ За Родину. 1942. 3 октября. № 186(246).
- ⁴⁵ Там же. 8 октября. № 190(250).
- ⁴⁶ Там же. 18 октября. № 119(259).
- ⁴⁷ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 2, л. 354.
- ⁴⁸ *Тайлов Георгий, прот.* Воспоминания о работе Псковской православной миссии... С. 12.
- ⁴⁹ ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 395, л. 46.
- ⁵⁰ Там же, д. 78, л. 51.
- ⁵¹ Русский вестник (Рига), 1944. 6 января. № 3(27).
- ⁵² *Полчанинов Р. В.* Псковское содружество молодежи при православной миссии // Православная жизнь. 2001. № 1(612). С. 25.
- ⁵³ Псковские епархиальные ведомости. 1905. № 6. С. 114.
- ⁵⁴ ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 20, л. 172.
- ⁵⁵ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 2, л. 354.
- ⁵⁶ За Родину. 1942. 3 октября. № 186(246).
- ⁵⁷ *Ионов Алексей, прот.* Записки миссионера... С. 13.
- ⁵⁸ Там же. С. 13–14.
- ⁵⁹ ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 134, л. 44.
- ⁶⁰ Там же, л. 50.
- ⁶¹ Там же, л. 57.
- ⁶² Там же, д. 102, л. 3.
- ⁶³ Там же, л. 7.
- ⁶⁴ ГА ПО, ф. 1633–Р, оп. 1, д. 8, л. 17.
- ⁶⁵ Там же, л. 18.
- ⁶⁶ Северное слово (Ревель). 1942. 22 сентября. № 111(209).
- ⁶⁷ За Родину. 1942. 16 октября. № 197(257).
- ⁶⁸ ГА ПО, ф. 1633–Р, оп. 1, д. 8, л. 19а.
- ⁶⁹ *Зайц Кирилл, протопр.* Молодежь и Церковь // Православный христианин. 1943. № 5/6(10/11). С. 19.
- ⁷⁰ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 2, л. 354.
- ⁷¹ Бывший архив КГБ Латвийской ССР, д. 14660, л. 20.
- ⁷² Там же, л. 49.
- ⁷³ Православный христианин. 1943. № 5/6(10/11). С. 24.
- ⁷⁴ Там же. С. 19.
- ⁷⁵ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 2, л. 355.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же, т. 3, л. 595.
- ⁷⁸ Свидетельство Р. В. Полчанинова, сообщенное автору в письме от 8 июня 2000 г.
- ⁷⁹ *Полчанинов Р. В.* Псковское содружество молодежи... С. 20.
- ⁸⁰ *Колотилова С. И. и др.* Псков. Очерки истории... С. 284.

- ⁸¹ Яковлева М. Ф. Семь этюдов про войну, или Маленькая повесть о военном детстве // Псковская правда (Псков). 1994. 1 июля. С. 11.
- ⁸² Яковлева М. Ф. Школа в церковной сторожке // Новости Пскова (Псков). 2000. 20 ноября. С. 5.
- ⁸³ Псково-Печерский монастырь находился на территории рейхскомиссариата «Остланд», Псков — в прифронтовой зоне группы армий «Север».
- ⁸⁴ Яковлева М. Ф. Школа в церковной сторожке... С. 5.
- ⁸⁵ ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 112, л. 33.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же, л. 35.
- ⁸⁹ Жадан П. В. Русская судьба... С. 161.
- ⁹⁰ ГА ПО, ф. 1633–Р, оп. 1, д. 3, л. 14.
- ⁹¹ ГА ПО, ф. 1633–Р, оп. 1, д. 3, л. 14.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Полчанинов Р. В. Псковское содружество молодежи... С. 24.
- ⁹⁴ Там же. С. 26.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Свидетельство Р. В. Полчанинова, сообщенное автору в письмах 1 марта и 8 июня 2000 г.
- ⁹⁷ Полчанинов Р. В. Псковское содружество молодежи... С. 27.
- ⁹⁸ Полчанинов Р. В. Письма «остов»: (Письма девушек из содружества молодежи Псковской миссии после их эвакуации в Германию) // Новое Русское слово (Нью-Йорк), 1986. 5 декабря.
- ⁹⁹ Полчанинов Р. В. Псковское содружество молодежи... С. 28.
- ¹⁰⁰ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 2, л. 355.
- ¹⁰¹ Полчанинов Р. В. Псковское содружество молодежи... С. 28.
- ¹⁰² Жадан П. В. Русская судьба... С. 160, 161.
- ¹⁰³ Яковлева М. Ф. Семь этюдов про войну... С. 11.
- ¹⁰⁴ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 2, л. 355.
- ¹⁰⁵ ЛГИА, ф. 7469, оп. 2, д. 112, л. 50.
- ¹⁰⁶ Плеханов Б. В. РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского студенческого христианского движения. Париж, 1993. С. 297.
- ¹⁰⁷ Полчанинов Р. В. Письма «остов»...
- ¹⁰⁸ Яковлева М. Ф. Семь этюдов про войну... С. 11.
- ¹⁰⁹ Яковлева М. Ф. Миссионер // Новости Пскова. 2000. 14 апреля. С. 6.
- ¹¹⁰ Один из воспитанников церковной школы при Дмитриевском храме Петя Ильин в послевоенный период стал православным священником и служил в храмах Псковской епархии.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала «Вестник церковной истории» располагает рецензией на статью К. П. Обозного, написанной участником Псковской миссии, учителем церковной школы Р. В. Полчаниновым, и считает необходимым опубликовать в качестве дополнения к статье.

**Рецензия на статью К. П. Обозного
«Народное образование, Псковская миссия
и церковная школа...»**

...Это уже законченная глава из будущей книги по истории Псковской миссии. История еще не написана, но труд Обозного, который я считаю выше всяких похвал, можно поставить в пример будущему историку по широкому использованию документов.

Насколько мне известно, упомянутые Бахом и Смирновым 150 учеников в возрасте 13–15 лет учились не на «курсах», а в церковных школах. Первое время трудообязанными считались дети с 14 лет. Такие были в школе при Варлаамовском храме, но какой-то добрый немец согласился считать учеников церковной школы как бы трудоустроенными и выдавать им продовольственные карточки через школьное руководство. Осенью школа при храме святого Варлаама не возобновила занятий, зато о. Г. Бенигсен открыл церковную школу при храме святого Димитрия. Но прежняя привилегия не распространилась на его школу, в которую принимались только дети до 14 лет. Правда, и это было ненадолго. Школа просуществовала только 1 школьный год — 1942/43. Летом 1943 г. трудообязанными стали считаться уже и дети 12–13 лет.

Позволю себе для более ясного понимания немецкой школьной политики маленькое отклонение от темы. В странах Западной Европы немцы в школьные дела не вмешивались, но в Сербии занятия в Белградском университете подверглись ряду ограничений. В Прибалтике университеты работали нормально, а в Польше, которая официально называлась Генерал-губернаторством, были закрыты не только высшие учебные заведения, но и все польские средние школы. Поляки могли, вернее, были обязаны учиться только в начальных школах и с 12 лет были трудоустроенными. Русская гимназия в Варшаве была закрыта, но была русская средняя коммерческая школа. И украинцы, и белорусы в Генерал-губернаторстве имели свои средние школы.

Лишив поляков, с одной стороны, среднего и высшего образования, немцы, с другой стороны, разрешали им пользоваться железной дорогой, трамваями, почтой, телеграфом и телефоном. Правда, для немцев в Генерал-губернаторстве были специальные «Nur für Deutsche» (только для немцев) вагоны, трамваи, парки и рестораны. Чего были лишены поляки, русские, украинцы и белорусы, так это права иметь радиоприемники. Немцы в Генерал-губернаторстве получали по сравнению с Германией двойные нормы продовольствия

и имели специальные магазины и рестораны, а все остальные жители получали продовольствие ниже норм, принятых в Германии и Прибалтике. Несмотря на ряд унижительных ограничений для поляков, советские граждане были лишены даже и тех человеческих прав, которые поляки все-таки имели. В Пскове при немцах трамваи не ходили, а в Минске трамваи были «только для немцев».

Обозный затронул вопрос, почему именно в Пскове православная миссия смогла широко развернуть школьную и внешкольную работу. Автор дает несколько совершенно правильных ответов. Главное, как мне кажется, это было, с одной стороны, снисходительное отношение некоторых немцев из власти имущих к школьной и внешкольной работе работников миссии в Пскове, а с другой стороны, наличие знающих это дело работников миссии. В то же время в Острове о. Алексей Ионов знал, как вести работу, но не получил разрешения немцев, а в Гдове немецкий комендант, вероятно, не препятствовал бы работе с молодежью, но в миссии умеющего человека не было, а сам о. Иоанн Легкий был слишком занят восстановлением храмов и обслуживанием их, поэтому на работу с молодежью у него уже не оставалось времени.

Автор совершенно прав, утверждая, что опыт возрождения церковных школ в Пскове в 1942–1943 гг. увенчался успехом. И к этому надо добавить, что опыт Псковской миссии по внедрению преподавания Закона Божия в городские школы должен служить примером и для сегодняшних правительственных школ в России.

Р. В. Полчанинов